Люк тихо стоял перед широкими стеклами в задней части своей комнаты для подготовки на борту «Бесподобного», глядя на скопившееся скопление Кунахт. Несравненные и Бесстрашные приближались к сектору Фарлакс и своим военным верфям на последнем этапе своего обратного пути на Корусант. Он растянул служебный тур до двух месяцев и подумывал об объявлении выборочной проверки верфей, скорее из-за желания отложить свое возвращение на Корусант, чем из какой-либо более важной цели.

Но новости, которые он только что получил, изменили все, потребовав в ответ отредактировать его собственные планы, как бы это ни обернулось. Натан Холлин уже был с ним, и он ждал прибытия Риса, отвлекая Мару, требуя ее ухода, чтобы он мог немедленно обсудить это новое развитие событий; если он должен действовать в соответствии с этим, это должно быть сейчас. Он вздохнул от разочарования по этому поводу; принуждением к этим шарадам. Игры внутри игр; планы в планах. Возможно, его отец был прав; возможно, он слишком хорошо усвоил уроки, преподанные его Учителем - потому что он не мог понять, кто был друзьями, а кто врагами… не мог вспомнить, почему это имело значение. Его все больше и больше беспокоила легкость, с которой он мог отступить, рассматривая всех, кого он знал, как пешки, с которыми нужно играть, игры внутри игр внутри игр ... Голос Холлина прервал его мрачные мысли: «Возможно, я нашел новое призвание».

"Что?"

Люк повернулся и увидел, что худощавый темноволосый медик удобно устроился на стуле, подъехав к своему столу. «Как ты думаешь, я бы стал хорошим капитаном звездолета?» - спросил Халлин легкомысленным голосом, всегда стараясь смягчить тон.

Люк снова отвернулся, ответив лишь рассеянно: «Нет. И вы не сидели за столом капитана - я адмирал флота».

"Нет?"

Халлин повернулся, изображая его слова притворно обидным: «Пожалуйста, не пытайтесь критиковать меня; говорите, что думаете».

Люк рассеянно обернулся: «Ваш корабль находится на Корусанте, и вас просят заняться проблемами в секторе Баджик; вы выберете Кореллианский путь, Кореллианский торговый путь, Хайдианский путь или торговый путь Римма?» «Это навигация - для этого у меня был бы штурман». - ловко парировал Халлин. «Какой процент отказа щита приведет к тому, что укладка щитов станет неэффективной?»

«Это щиты. Я бы взял… Офицера щита или что-нибудь для этого». он ответил храбро.

«В битве на поле вы управляете пятью эсминцами; ваш заместитель говорит вам, что во вторичной зоне выстраиваются три вражеских корабля, чтобы выполнить маневр Акбара Слэша - каков ваш приказ?»

"Эм ..."

«Поздравляю, вы только что потеряли свой эсминец вместе с девятью тысячами офицеров и двадцатью семью тысячами рядовых. Возможно, по крайней мере, еще один корабль».

Холлин откинулся на спинку кресла, небрежно расставляя набор читателей и автомемок на широком полированном столе: «Видите? Легко. Я естественный». Люк снова отвернулся, осознавая, что делает Натан.

«К сожалению, я знаю нескольких капитанов-разрушителей, обладающих только вашим уровнем мастерства».

Люк считал Натана Холлина гораздо больше, чем Вез Рис, своим другом, а не сообщником; кто-то, кто оказался втянут в это из-за своего выбора знакомых и который оставался в ловушке, потому что он не хотел отдавать тех же самых людей, а не по какой-то более великой или более корыстной цели. Учитывая это, Люк, вероятно, должен чувствовать себя виноватым из-за того, что солгал ему; конечно, он сказал Натану правду гораздо больше, чем Рис… но он все еще остави "Что они планируют?"

«Они планировали использовать коды, чтобы отменить команду на мостике и взять« Инвинсибл »на нежизнеспособный курс перехвата в атмосфере Корусанта во время ее первого полета, когда Император будет на борту - разбить ее в стрессе».

Холлин выпрямился: «Погодите, вы не на инаугурации?»

Он сделал паузу, испуганно взглянув на Риса.

Люк покачал головой: «Они не могут этого сделать сейчас; в очереди слишком много других линейных кораблей; два суперзвездных разрушителя и около дюжины звездных разрушителей. Если бы у них были динамические ЭМИ, они были намереваясь использовать их, чтобы вывести из строя все другие корабли. В настоящее время есть по крайней мере два корабля с достаточной массой, чтобы удержать Инвинсибл от входа в атмосферу на тяговых лучах, оба из которых имеют определенный процент усиленных систем, о которых мы знаем восстание принесло пользу планам ДЕМП - это просто больше не работает ». «Они уменьшат его».

Рис подумал: «Они все еще могут взять под контроль корабль с кодами, если думают, что мы не знаем».

«Они намереваются перекрыть мост и взорвать иллюминаторы; взрывная декомпрессия». - сказал Люк небрежным голосом.

Рис задумался, бегая глазами по столу перед ним: «Что означает, что тебе нужно быть с Моста, когда это произойдет».

"Я собираюсь жить".

Люк просто сказал, обращаясь к Натану: «И ты будешь на борту« Бесподобного »вместе с Рисом. Только Мара и я будем присутствовать».

Холлин удивленно приподнял брови. - Ты забираешь Мару?

«Если я не возьму ни один Палпатин, это не вызовет подозрений, а если я возьму Риса, то Палпатин может легко вырвать весь заговор из своей головы, если кто-то из нас сделает малейшую ошибку. Мара не знает; она логичный человек, которого следует взять». Последовало короткое молчание. Это был Рис, который задал вопрос, как всегда невозмутимый; "Она останется на мосту?"

Люк отвернулся, чтобы выглянуть в иллюминатор, и не повернулся, чтобы ответить, тишина висела тяжелой, хотя Холлин не мог сказать, было ли это подтверждением, неуверенностью или просто решением не разъяснять. Он всегда сдержанно относился к своим отношениям с огненно-рыжей девушкой; настолько, что даже это будет сочтено вторжением и отвергнуто.

Рис, который не интересовался делами The Heirs в этом вопросе, кроме профессиональных - с точки зрения их влияния на безопасность Люка, - без дальнейших размышлений продолжил: «Может ли Император открыть Взрывные двери, если они были заблокированы?»

«Да», - сказал наконец Люк, все еще стоя к ним спиной,

« Если бы он знал, что они собираются делать, то он, несомненно, знал бы. Если он этого не сделает ... он может позволить им на мгновение почувствовать, что все под контролем, больше из любопытство, чем что-либо другое - вы знаете, насколько он уверен в себе. Как только он поймет, что для открытия двух из трех наборов дверей Моста с защитой от взрыва потребуется тридцать секунд каждая - может быть, минута. Это может быть все время, которое им нужно ».

"Будут ли повстанцы это знать?"

«Наверное, нет - поэтому я подумываю им сказать».

Снова наступила шокирующая тишина, оба мужчины повернулись к Люку, стоявшему спиной к ним и глядя на скопление.

"Ты собираешься им помочь?" - наконец спросил Холлин. «Я рассматриваю это». - сказал Люк. "... Мнения?"

«Если это не удастся, и один из них будет пойман живым...» - сказал Холлин, заставляя Люка слегка повернуться.

«Я не собирался звонить им и говорить:« Извините, это Наследник; я понимаю, что вы собираетесь избавиться от большой проблемы для меня, поэтому я подумал, что могу предложить несколько советов... », - заявил Люк , сухо.

«С одной стороны, я сомневаюсь, что они поверят всему, что я им сказал, а с другой стороны, они вполне могут начать спрашивать, откуда я знаю, что они делают».

«Если вы возвращаете им информацию через третье лицо, почему вы беспокоитесь?» - спросил Рис.

«Потому что я не хочу, чтобы это было слишком большим успехом. Я хочу, чтобы это сработало, но мне нужно уравновесить это с тем, насколько уверенно он оставил бы их, если бы это произошло».

"Потому как?" - подсказал Рис.

Люк сначала хранил молчание, словно размышляя.

«Будущие намерения».

Наконец он сказал, затем, после дальнейшего размышления: «Мне нужно, чтобы они думали, что я готов вести с ними переговоры, если я приду к власти, - заставьте их заключить сделку со мной, вместо того, чтобы продолжать свои атаки и ослаблять атаки. Я не хочу тратить годы на погоню за тенями вокруг Системы Обода ... и они не собираются подходить к столу, если они не голодны ". "Вы собираетесь вести с ними переговоры!"

В голосе Риса был слышен шок, что для него большая редкость. Слишком уж много.

«Нет, я собираюсь заставить их думать, что я буду вести с ними переговоры».

Он многозначительно поправил: «И мне интересно, будет ли оказание им помощи сейчас и раскрытие того, что это был я в более поздний срок, повысит мой авторитет - приведите их к столу».

«Вы никогда не заставите их вести переговоры».

Наконец Холлин сказал: «Они слишком опасаются вас».

«Пн был бы слишком осторожен; Лея Органа могла бы просто смириться».

Вот почему он так настаивал на удалении Мона, когда у него была возможность ! Внезапно для Халлина начали сплетаться нити, отдельные инциденты попадали в более крупный план.

"Вот почему вы позволили контрабандисту уйти!" - сказал он о кореллианце на борту «Ярости».

«Отчасти, - признал Люк, - он близок к Органе - она прислушивается к его мнению».

Рис задумался над этим увлекательным взглядом на далеко идущие планы; Наследник не имел обыкновения раздавать такую информацию без причины. «Я сомневаюсь, что кто-то еще будет столь же открыт для его мнения».

"Они не должны быть; просто Органа; я подойду к ней первой. Когда она мне поверит, я заставлю ее привести начальников штабов на встречу - пусть она думает, что это ее идея, пусть она свидание и любая безопасность, которую она потребует, - и я могу взять с собой несколько дополнительных людей; всего один или два Разрушителя. Это не искоренит их полностью, но если мы сможем удалить достаточное количество их лидеров сразу, это вполне может бросить они в достаточной суматохе, чтобы мы могли значительно ослабить их в последующие месяцы - как часть более крупного плана ».

"Интересно."

Рис наконец позволил, ища недостатки; это был слабый план, но тогда было бы глупо полагать, что можно иметь гораздо больше, и он был уверен, что Скайуокер будет уточнять, только когда сочтет это необходимым - но у него были возможности, если основа была заложена заранее, поскольку Наследник, казалось, делал со своим обычным вниманием к деталям. Конечно, иметь какую-то власть над лидером восстания - а Наследник явно верил, что это так - было неплохо.

"Так я могу им помочь?" - повторил Люк, возобновляя разговор.

Рис вернулся к текущей проблеме: «Принимая во внимание то, что вы сказали, я вижу вашу дилемму ... но я все же считаю, что вмешиваться на этом этапе слишком рискованно; слишком много переменных, и я думаю, ты это знаешь ". Люк согласно кивнул: «Я не отвергаю это полностью; теперь, когда информация доступна, я буду внимательно следить за развитием событий».

«Я уверен, что это изменится ближе к дате».

Рис согласился: «Говорят, ни один боевой план не выжил...» - он замолчал, увидев внезапную перемену в глазах Наследника. Люк снова повернулся к Холлину, «Ботанам».

Холлин нахмурился: «Прости?»

«Ботаны, вы спросили, как они получили коды».

Натан нахмурился: «Ты сказал, что это не имеет значения».

"Я был неправ."

Люк сказал быстро, без тщеславия, - «Если ботаны, которые передали DEMP, получили информацию, значит, Оллин'яа наверняка знал об этом».

«И у Императора есть Оллинья». - закончил Халлин, о ботанском мастере шпионажа, которого Люк передал после поимки Мон Мотмы.

«Что означает, что он, возможно, уже знает». - заявил Люк, и все трое остановились, чтобы обдумать это.

Нам нужно выяснить». - сказал наконец Рис, выразив беспокойство самого Люка;

«Если Палпатин уже знает, то лучше всего было бы незамедлительно сообщить ему о своих знаниях».

«За исключением того, что он захочет знать, как я узнал».

Люк ответил: «И я не признаю Аргот».

«Он уже знает, что у вас есть информатор в штабе восстания». - рассуждал Холлин. Люк задумчиво запустил пальцы в свои непослушные волосы, сцепив руки на затылке.

«Нам нужно, чтобы Восстание проверило коды, которые у них есть - если они были отключены или аннулированы, я отнесу это Императору. На данный момент я думаю, что лучший способ - сесть и посмотреть. Теперь, когда Аргот в курсе, я буду в курсе ".

Рис нахмурился; «Кажется странным, что Аргот получил эту информацию только сейчас».

«Только Мадин знал».

Люк иронично улыбнулся;

«Они думают, что среди них есть шпион. Таг Масса был обвинен в том, что он пристально следит за Соло».

Он взглянул на Холлина, когда медик осознал, что выпрямился: «И да, это еще одна причина, по которой я продолжаю его отпускать». .

Люк сидел, пригнувшись, у стены на широком балконе, протянувшемся вдоль всех его покоев во дворце, влажный зной мягкого летнего дня все еще вымывался из бледного камня даже в этот поздний вечер, теплый для его босых ног. Его рубашка была расстегнута на воротнике и манжетах, душный ветерок трепал через отверстия, не охлаждая его, горячий влажный воздух скручивал его темные волосы в распущенные кудри. Он услышал шум из двустворчатой двери рядом с собой, и ему не нужно было оборачиваться, чтобы узнать, что Халлин вышел, остановившись, оглядываясь, а затем пошел и в тишине дружески прислонился к стене рядом с ним. Тепло, исходящее от бледных плиток травертина, неудержимо вернуло разум Люка к пекущим пустыням его детства, оставив его меланхоличным, как он часто бывал, возвращаясь в Императорский дворец.

Как ни странно, он чувствовал себя здесь, во Дворце, в окружении людей более одиноким, чем когда-либо. Его снова вызвали в суд, как и каждый вечер после возвращения на Корусант. Еще одна огромная комната нервного почтения и пустых слов, страха и восхищения на каждом лице. Каждый, кто борется за положение, чтобы приблизиться к человеку, которого они даже не знали, лежит на их устах и недоверчивый страх в их головах; они источали это; как пот. Испугавшись оказаться рядом с кем-то, кто, как они знали, мог убить мыслью, единственное, что могло преодолеть их страх, - это их жадность; их стремление к власти и положению. Разве они не знали - не могли ли они понять, что он знал это о них, что они сделалиему то, чего они боялись.

Он больше не видел их лиц, только их ложь, и не чувствовал вины за то, что использовал или удалил их; они сделали бы то же самое с ним, если бы был малейший шанс. И Палпатин, которого всегда так забавляло отвращение Люка, всегда играл в свои маленькие игры за власть среди собственного моря нервных лиц ... Были ли они теперь такими разными, он и его Учитель? Эта мысль заморозила его; В животе у него образовался напряженный узел беспокойного беспокойства, челюсти сжались от отвращения. Хотя жара успокаивала; забрали его далеко, и он охотно последовал за ним.

«Ты когда-нибудь хотел пойти домой, Холлин?» - тихо спросил он, не поднимая глаз.

"Вы?" - спросил Халлин, приседая на теплом камне рядом с ним.

«Нет...» - сказал Люк без убеждения. Они оставались тихими, комфортными в присутствии друг друга, без необходимости заполнять тишину, наблюдая, как солнце медленно садится за далекие здания, красное небо превращается в бархатную ночь.

«Я думаю... иногда мне хочется вернуться к этому человеку».

«Я думаю, что ты еще больше тот человек, которого ты осознаешь». - мягко заверил Халлин. Люк молча взглянул вниз, на край поля зрения Халлина, чувствуя себя неуютно, как всегда, даже после этой маленькой уступки. Но Холлин знал, что к нему редко прибегали, особенно здесь.

«Ты вырос на... Татуине?» - подсказал он, надеясь выманить Люка, но вежливо уклонился, как всегда.

"Да ты?"

Халлин взглянул на наступающие сумерки City Planet.

«Здесь- но в Осинской области, недалеко от экватора».

Он улыбнулся, ковыряя камешек в трещине на бледном травертиновом полу. «Видите ли, мне тоже нравится жара. Меня совсем не волнует вся эта зима, которую проводят в столице - я думаю, она сильно переоценена».

Люк улыбнулся, и в его голосе прозвучал легкий смех: «Да, я какое-то время пробыл на какой-то планете в системе Хот - не был впечатлен».

Холлин нахмурился. - Система Хот?

«Одна жизнеспособная планета - просто. Но это лед, слишком далеко от ее солнца. Поверхность на фут глубиной в снеге и ледниках. Думаю, за все время, что я был там,

температура никогда не поднималась выше минус тридцати. Новизна снега улетучивается просто примерно в то же время, когда вы сойдете с трапа корабля и поймете, насколько холодно на самом деле минус тридцать ». "Как долго ты тут оставался?" - спросил Халлин.

«Я не помню».

Он избегал, как всегда, не желая сообщать подробности.

"Слишком долго."

Некоторое время они молчали, но, как знал Халлин, с обеих сторон было комфортное молчание; ему выпала честь быть среди очень немногих, кому доверяли даже так далеко.

«Мара уже в пути». - сказал Холлин в тишине; причина, по которой он вышел. Он знал, что Люк любит побыть наедине с собой перед мысленными играми Двора и обычно никогда не вмешивается, но сегодня Люк казался разговорчивым в открытой, неформальной манере. Вот почему Холлин чувствовал себя способным задать свой следующий вопрос - да и то, что никто другой не задал.

"Могу я спросить - вы ей доверяете?" он повернулся, чтобы изучить Наследника, пока он говорил, хотя глаза Люка оставались на горизонте.

"Нет. И ты тоже не должен".

Холлин нахмурился, искренне неуверенно: «Тогда почему ты с ней?»

Люк слишком долго оставил только одно сердцебиение;

"С ней?"

Натан хранил молчание, не требуя подтверждения и не продвигая разговор, давая Люку время решить, стоит ли дать немного по этому поводу. Он так долго смотрел в безмолвной тишине, что Холлин подумал, что он решил проигнорировать вопрос.

Затем он вздохнул, взглянув вниз: «Потому что я совершил ошибку и теперь не могу отступить. Она обуздание, которое я должен…»

Холлин ждал, но Люк не закончил то, что начал говорить, поэтому задал еще один вопрос: «Ты… заботишься о ней?»

«Я был бы дураком, если бы сделал это». - сказал Люк.

«Ах, но ты был бы членом очень большого клуба, кем бы ты ни был. У меня самого за плечами впечатляющая череда неверных решений. Я - почетный пожизненный член команды».

Люк улыбнулся в растущие тени, не глядя на него: «Я знаю». Халлин повернулся, но Люк не стал ничего предлагать, все еще глядя вдаль, поэтому он вздохнул, бросая крошечный камешек, который выкопал перед собой, и скользнул по бледному камню.

"Мы говорим о настоящем или прошлом?"

«Настоящее. Прошлое прошло». - добродушно сказал Люк.

«Может быть, не совсем…» - рискнул Халлин, сохраняя спокойный голос. Когда Люк не

ответил, он снова вздохнул, думая о своей нынешней нескромности.

«В то время это казалось такой хорошей идеей ...» - он злобно ухмыльнулся, - «На самом деле это не так, но природа - мощный убедитель. Ее не волнует, кто ты, где ты и каковы твои планы. У него своя повестка дня ".

Люк слегка рассмеялся: «И громким голосом». он с готовностью согласился, и Натан улыбнулся, теряя пол носком безупречно начищенного ботинка.

«Я никогда не понимаю, почему люди всегда встречаются в теплице», - наконец сказал Люк о неминуемом тайном свидании Халлина в одной из массивных закрытых оранжерей в задней части крыши «Монолита», более правильное название которой - Зимние сады. Хотя он часто сопровождал Люка, присутствие Холлина в Суде на самом деле не требовалось, и он намеревался ускользнуть сегодня вечером, чтобы устроить себе небольшую встречу. «Потому что, если вам нужно знать, есть брешь в системе безопасности».

Он защищался легко, удивленный особыми знаниями Люка, но не обращая внимания на вторжение - потому что это был Люк.

"Вы когда-нибудь задумывались, что это есть причина?" - сказал Люк, не поворачиваясь.

«Ты говоришь мне, что они следят за оранжереей?» - невозмутимо спросил Холлин. «Ну , это будет сделано из стекла.»

Люк легко пожал плечами: «Это должно быть своего рода ключом к разгадке». «Вы не можете видеть в с внешней стороны .»

Халлин легкомысленно возразил, зная, что стены из оргстекла были закрыты, так как весь дворец был полностью покрыт оргстеклом. Устройства для подавления и противодействия помехам были настолько распространены в параноидальном маленьком мире Императора, что визуализация на основе света и прямой видимости была единственным надежным методом наблюдения за другими, а стекло, защищенное конфиденциальностью, исключало это. «Нет , но вы можете увидеть вниз через крышу .»

Люк легко указал.

"Вы проверили, все ли стекло закрыто?"

Он мог видеть обработанные стеклянные стены снаружи, когда проходил мимо, поэтому Халлину и в голову не приходило проверить, что стекло на крыше также защищено от неприкосновенности частной жизни; он действительно не годился для всей этой бдительной, осторожной жизни.

«То есть моя личная жизнь в основном передается по Дворцу на дата-чипах?» - сухо сказал Холлин после долгой задумчивой паузы.

«Нет, пока никто не знает».

Люк заверил: «Но вы можете переосмыслить свое безопасное место...».

Затем он задумался;

«Если вам нужно где-нибудь встретиться за пределами поля безопасности, используйте эти

комнаты… когда меня здесь нет, спешу добавить».

«Спасибо», - удивился Холлин, но, как ни странно, не смутился - в основном потому, что Люк явно не был.

«Это мой первый подпольный роман».

Он добавил с притворной серьезностью: «Я все еще изучаю веревки».

«Я надеюсь, что это не буквально».

Люк улыбнулся, заставив Холлина сделать то же самое.

«Итак, что ... я должен оставить полотенце над стулом в холле?»

Холлин слегка пошутил: «Или ты просто… знаешь?»

Люк снова улыбнулся, покачивая головой, глядя вниз: «Даже не ходи туда…». Холлин тоже с удивлением посмотрел вниз, но когда он поднял глаза, его голос был искренним: «Спасибо». Люк молча стряхнул его.

«И я думаю, вы меняете тему». - добавил Халлин. Когда Люк оглянулся на него, Натан склонил голову набок: «Тебе она небезразлична?»

Люк сгорбился и потер закрытые глаза кривым и скромным голосом: «… Так я могу получить членский билет в этом клубе или что-то в этом роде?»

Холлин слегка рассмеялся, и они оба снова замолчали, каждый обдумывая свое затруднительное положение.

«Таким образом , вы делаете ей доверять то?» - повторил, наконец, Халлин, ища поддержки. Люк отвернулся; не встречался с ним взглядом.

«Нет, я ей не доверяю. Она… однажды она предаст меня, я знаю это - я просто не знаю когда».

Голос Холлина резко стал резче: «Ты уверен?»

Люк без ответа посмотрел вниз, и Халлин понял, что это так.

«Было бы совершенно глупо с моей стороны спрашивать, что вы делаете с ней тогда?»

Люк только улыбнулся, говоря тихо и без злобы.

"О, ты один, чтобы поговорить".

«Мой партнер не пытается меня убить».

«Я не говорил, что она попытается убить меня». - быстро сказал Люк, но Халлин был слишком обеспокоен, чтобы позволить этому упасть сейчас.

«Ты сказал, что она предаст тебя».

Люк оглянулся на открытые двери террасы позади Халлина - тонкое предупреждение, чтобы он понизил тон. Медик замолчал до шепота, хотя, насколько он знал, в комнате никого не было -

Клем, единственный дежурный телохранитель, стоял, чтобы успокоить внимание в длинном коридоре.

"Ну тогда как она предаст тебя?"

Люк вздохнул, снова глядя на мегаполис, волосы трепались ему на глаза на душном ветру.

"Я не знаю."

Наконец он сказал: «Вы редко видите конкретики будущих событий, потому что они все еще в движении, просто… изгибы потока; чувства… вспыхивают в темноте, которые можно проследить до человека или события. Даже это иногда , просто…"

Он замолчал, не имея возможности описать необъяснимое.

"Когда?"

Холлин толкнул, все еще шепча, но Люк только весело улыбнулся.

"Что бы вы хотели - время суток?"

«Как ты можешь быть таким точным в чем-то столь же неважном, как моя личная жизнь, и столь расплывчатым в том, что, возможно, опасно для жизни?» Люк только повернулся с весельем в этих несовпадающих глазах при пристальном внимании своего друга: «Может быть, это непонятно по какой-то причине».

«Что это значит?»

спросил Холлин, затем слегка пригнулся, осознав, насколько громко он сказал.

Люк пожал плечами, склонив голову набок: «Некоторые вещи вы не видите по какой-то причине».

«Теперь ты просто неясен».

Люк знал, что обвиняет Халлина, разочарование вызвано его чувством защищенности.

«Некоторые вещи не предназначены быть изменены.»

уточнил Люк.

Он долго колебался, размышляя: «Я когда-то знал одного мастера-джедая, который сказал, что воля Силы подобна течению реки; мы можем время от времени менять ее течение, но она все равно течет к морю».

«Очень глубоко. Я думал, что ситхи разбираются в подобных вещах».

«Может быть, не так много, как они думают». - сказал Люк, заставив Халлина нахмуриться; он всегда говорил « они» ; никогда не « мы» .

Халлин на мгновение задумался, возвращаясь мыслями к настоящему моменту. «Возможно, Рис должен знать…»

"Нет."

Люк остановился, явно ища правильные слова , не желая обидеть, «Я доверяю Reece абсолютно в вопросах политики. Но ... Я чувствую , что он может быть сенсорным менее прощающий и чуть более ... прямой , по его мнению , как иметь дело с Марой Ты… - Люк сделал паузу, повернувшись к Натану, с кривым выражением лица, очень открытым, бесхитростным и убедительным, - «… я знаю, что могу доверять товарищу по« члену клуба », который даст мне преимущество сомнения в решении моих собственных… промахов».

"Неужели я такой предсказуемый?"

Холлин улыбнулся, обрадованный осознанием этого. «Только мне». Люк легко сказал: «Кстати, о проблемах, наши прибыли. А я еще не одет для двора». Он оттолкнулся и двинулся, пройдя босиком мимо открытых дверей, чтобы войти в самую дальнюю, которая вела в его спальню, и исчезла за светоотражающими окнами высоких дверей из плексигласа. Холлин снова вошел в ближайший зал и вошел в гостиную, удивленный тем, что там все еще никого не было. Нахмурившись, он двинулся через столовую, остановившись, чтобы повернуться к Клему: «Командир Джейд и командир Рис уже вернулись?» Высокий, широкоплечий офицер службы безопасности взглянул на маленький ридер у себя на запястье, приподняв для этого рукав: «Рис остановился в штабе… Командир Джейд в квартире…»

Халлин отвернулся и, кивнув, направился к выходу, намереваясь пройти в комплекс для персонала прямо за дверью обширных перлемианских квартир, праздно гадая, как далеко протянутся коридоры и коридоры, если он однажды измерит их все. Массивная резиденция занимала целый этаж Западной башни, каждая из тридцати или около того роскошных комнат легко равнялась площади всего дома - и это был тот вид, к которому привык Халлин, который вряд ли был обездоленным. Выучить названия всех комнат было достаточно плохо, не говоря уже о планировке; Галерея Малак, Кабинет Эбенового дерева, Мраморный зал, Купол с массивным витражным куполом, с подсветкой, которая выглядит как световой люк, свет меняется в зависимости от времени суток на улице.

Люк на самом деле использовал менее четверти комнат, в основном меньшие… хотя «меньше» было условным термином; даже они были размером почти с всю квартиру Халлина, которая сама по себе казалась огромной, когда впервые прибыл медик. Как и все, хотя никто в этом не признался, Халлин прорезал личный кабинет Люка, чтобы избежать долгого пути через центральный купол обширной квартиры. Через дверь у противоположной стены большого офиса, очевидно, воспользовавшись тем же сокращенным путем, вошла Мара Джейд.

Она взглянула на него, кивая и закатывая глаза, потому что была поймана с помощью этого обычного ярлыка. Не в силах остановить себя, все, что только что было сказано, свежо в его голове, Халлин сердито замолк, останавливаясь. Мара спокойно прошла мимо… затем остановилась, заметив его взгляд; после очень тяжелого старта они привыкли к вежливому распорядку, но в последние несколько месяцев это, казалось, постепенно изменилось, и она понятия не имела, почему. Как никогда прямо, понимая, что они одни и находятся в комнате, из которой Люк обычно убирает все наблюдения, она решила выяснить.

"У тебя есть какие-то проблемы со мной, Холлин?" - резко спросила она, не оборачиваясь, надеясь застать его врасплох. Его глаза слегка сузились, хотя голос оставался очень вежливым, как он привык здесь к словесным играм. "Ненавижу разочаровывать вас, командир, но я действительно не особо об этом думал. Несмотря на его цивилизованный тон, Мара потерял дар речи от его дерзости, учитывая их относительное положение.

«Я думаю, тебе следует сказать то, что ты хочешь сказать», - резко пригласила она. Халлин знал, что сказать что-либо будет ошибкой; это было именно неправильно , что нужно делать.

Но Джейд медленно повернулась к нему, горящие зеленые глаза, и вспомнив недавнее признание Люка, Халлин не мог сдержаться, чувствуя себя в некоторой степени ответственным за нынешнюю ситуацию; Разве он не просил восстановить ее на работе после того, как она не смогла защитить Люка от покушения? Она могла бы уже давно уйти; далекое воспоминание. Это была его ошибка - он оставил ее здесь… это было его решение, с которым теперь должен был справиться Люк.

"Я наблюдаю за тобой."

Он сказал просто. Мара нахмурилась: «Смотришь на меня что?» Холлин склонил голову набок, его глаза были жесткими, с едким выражением лица. Мара оставалась невозмутимой: «Серьезно, Холлин, что ты думаешь, что я собираюсь делать? Идти вперед?»

«Пожалуйста, - сухо сказал Холлин, - ты думаешь, это дает тебе некоторую власть над ним?»

Мара была шокирована подразумеваемыми знаниями Холлина. Знал ли он; Люк доверился ему? Он всегда знал ее интерес к Люку; в прошлом казался весьма снисходительным к этому - родственные души, как всегда, - так что же изменилось?

«Я не ищу никакой власти над ним».

«Лжец».

Мара покачала головой;

"Тебе когда-нибудь приходило в голову, что я действительно могу заботиться о нем?"

Холлин полуулыбался, тон все еще вежливый и любезный, даже если его слова не были: «Как очень великодушно с вашей стороны. Вы поставили его в прямое противоречие с желаниями Императора, зная, что случится, если он узнает ... на случай, если это ты можешь заботиться о нем ".

Очевидно, перчатки были сняты. Теперь настала очередь Мары с презрением: «Не дерзай со мной - я знаю, о чем ты на самом деле думаешь».

«Я служу интересам моего друга . Каково ваше оправдание?»

«Мне не нужно ничего тебе оправдывать».

Халлин разыграл своего туза: «А Император?»

Сердце Мары ёкнуло от предполагаемой угрозы, но она впечатляюще оправилась: «Даже не пытайтесь вытащить эту угрозу, потому что я знаю, что вы не сделаете этого с Люком».

Медик ничего не сказал, но она видела недоверие, кипящее за этой культурной, отточенной манерой. Он мог так легко остановить эту ситуацию, прежде чем она успела развиться. Если она собиралась и дальше встречаться с Люком, значит, ей нужно доверие Халлина. Мара сделала шаг вперед, сознательно избавившись от резкости в своем голосе: «Я бы никогда не причинила ему вреда, Натан - ты это знаешь». Последовала малейшая пауза, хотя его холодное выражение нисколько не смягчилось.

"Тогда уходи."

"Что?"

«Уходи. Если хочешь помочь ему - защитить его - уходи. Попроси другое задание».

Мара покачала головой: «Я не могу этого сделать».

"Ах я вижу."

Он симулировал вежливое осознание: «Вы заявляете о своем искреннем беспокойстве, но когда вас просят отказаться, внезапно это перестает удобно». Мара могла только покачать головой: «Я не знаю, что ты думаешь, что я делаю, но обещаю тебе, что не собираюсь когда-либо причинять ему вред».

"Ты уже есть".

Мара слегка дрогнула от полной убежденности в его голосе.

"Ты не прав."

«Нет, командир, я не ошибаюсь. Вы уничтожите его… и в глубине души я думаю, что вы это знаете - потому что он знает».

Мара вздрогнула, обеспокоенная его словами; тем более из-за тонкого раскрытия их источника, без возврата к нему. Он медленно отвернулся, взглянув на него с последним предупреждением, и вышел из комнаты. Она могла только смотреть, как он уходит, потерянный в облаке неуверенности.

Дверь тихонько закрылась в дальнем конце комнаты, прежде чем Мара снова заговорила очень тихо: «Ты ошибаешься». . Холлин прошел несколько шагов за поворот в коридоре, прежде чем позволил своему самообладанию чуть-чуть ускользнуть, его шаг прерывался, хотя он продолжал идти, зная, что теперь он находится в поле зрения линз наблюдения. Она сказала правду - действительно ли ей было наплевать? В любом случае, имело ли это значение, учитывая предсказание Люка. Что Холлин действительно знал, так это то, что Джейд была агентом Палпатина; его доносчик.

По определению , она была заклятым врагом Люка. Что бы она ни думала о своих чувствах, ее истинная преданность была очевидна; она отчитывалась перед императором каждые несколько дней, как часы. Это была ее работа; вот почему она была здесь. Она сообщала о действиях Люка в прошлом, зная, какими будут серьезные последствия, и все же она утверждала, что никогда не причинит ему вреда… как он мог поверить, что она поступит иначе сейчас? Учитывая признание Люка, наверняка было более вероятно, что она лгала, манипулируя им в соответствии с заранее разработанным планом. И даже если она не была, в словах Холлина все равно была опасная правда; она была играть с пожаро- и она была убедить Люка сделать то же самое.

Взволнованная, Мара сделала сознательное усилие, чтобы не оставаться наедине с Холлином в ближайшие недели. Его настороженная вражда, казалось, не утихала, но она к этому привыкла; В конце концов, это было еще одно препятствие в целой их галактике, и вряд ли ее самая большая проблема, когда она и Люк были здесь, во Дворце. Тем не менее, его слова были достаточно глубокими, чтобы заставить ее снова удивиться своей раздвоенной лояльности; или они вообще были такими? В конце концов, она никогда не скрывала от Люка того факта, что она верна Императору. Время, которое они проводили вместе, было совершенно отдельно от ее мыслей; замкнутая реальность, не требующая более пристального изучения. Конечно, Люк, похоже, считал то же самое.

Помимо этого единственного взрывного аргумента на борту Бесподобного, по некоему невысказанному соглашению ни разу не упоминалось ничего о реальном мире или его требованиях, когда они были вместе. Ничто никогда не вторгалось, никогда не упоминалось о реалиях их положения, ни с точки зрения их безрассудных связей, ни с точки зрения их раздвоенной лояльности. Невежество было блаженством, и в отсутствие каких-либо противоположных намеков со стороны Люка было слишком легко убедить себя в том, что преданность человека, которого она теперь считала очень родственной душой, не будет отличаться от ее собственной.

Да, Люк спорил, оспаривал и иногда даже вступал в бой с Императором, но он все еще был здесь, и хотя Палпатин был мастером манипуляций, Люк был одним из самых упрямых, упрямых, непокорных людей, которых она когда-либо встречала. он не хотел быть здесь, его уже давно не будет. Что-то держало его здесь. Недели тянулись мучительно медленно, когда она была здесь, во Дворце, и ее мысли всегда возвращались к той относительной свободе, которой они наслаждались, находясь в безопасности на борту «Несравненного».

Здесь не было никакой близости, кроме украденных взглядов и мгновенного контакта, скрытого за случайными прикосновениями, когда они проходили мимо друг друга или шли бок о бок. Но она знала, что скоро они снова уйдут. Запуск «Инвинсибла», из-за которого они оказались здесь, был неизбежен. Всего две недели, и они снова будут свободны, взяв новый звездный суперразрушитель в свое путешествие на верфи в секторе Фарлакс, недели, а может быть, даже месяцы доработки, требующей длительного пребывания вдали от удушающей слежки на Корусанте. Итак, теперь Мара отсчитывала дни, гадая, делает ли Люк то же самое. Теперь она изучала его, пока он работал за столом в своей гостиной, по нему было разбросано множество считывающих устройств и дата-чипов.

Стол стоял перед длинной дверью из плексигласа, ведущей на балкон, долгие периоды душной погоды, которые Корусант всегда переносил летом, доставляли Маре дискомфорт, хотя Люка, казалось, никогда не беспокоило - на самом деле, казалось, ему это нравилось, открываясь. все двери и окна нагреваются, делая кондиционер бесполезным. Мара сидела в задней части огромной комнаты, где она все еще имела некоторую власть, когда Рис тихонько постучал в приоткрытую дверь, осторожно опустив глаза, когда он вошел из столовой, что побудило Мару задуматься, подозревает ли он тоже ... это могло быть опасно; здесь он был агентом, подчиняющимся Сате Пестажу и, следовательно, Императору, как и она.

«Простите, сэр, лорд Вейдер находится в вестибюле каюты; он ... настаивает на аудиенции».

Люк уже вставал, когда Рис вошел, выключив свой автопамять в процессе подготовки, Мара сообразила: «Вы знали, что он был здесь?»

Он не ответил, вместо этого повернувшись к Рису: «Спасибо, Вез. Увидимся здесь».

Рис склонил голову и отступил, тяжелые двустворчатые двери бесшумно закрылись на своем плавном механизме.

"Люк, ты знал, что он был здесь?" - повторила Мара.

«Да», - сказал он, ничего не поясняя.

"Почему ты видишь его здесь?"

В его просторных апартаментах было любое количество специально отведенных комнат для приемов, от роскошных и гостеприимных до величественных и величественных - зачем ему

впускать Вейдера из всех людей в свои личные комнаты? Он повернулся к ней, не говоря ни слова, вывод был ясен, но Рис снова вошел в комнату, прерывая дальнейшие споры с обеих сторон, Вейдер был всего на шаг позади него.

«Лорд Вейдер, сэр». - официально объявил Рис, прежде чем поклониться и осторожно отступить из комнаты по кивку Люка. Люк молчал перед неповоротливой формой Дарта Вейдера, таким же неустрашимым, каким он был всегда.

Когда Вейдер промолчал, он наконец вздохнул и отвернулся, как будто уже утомившись старой игрой: «У тебя есть кое-что, что ты хочешь сказать, лорд Вейдер». Мара ни разу за все время, что была с Люком, не слышала, чтобы он обращался к своему отцу иначе, чем по титулу. Даже наедине между ними всегда сохранялась дистанция. Вейдер молчал, медленно поворачиваясь к Маре, которая, вызывая вызов, вскинула подбородок; любые разочарования, которые она испытывала по отношению к Люку, мгновенно исчезли из-за ее защитного инстинкта для него, автоматически смыкая ряды перед внешней угрозой.

"Мара?"

Люк пригласил, не поворачиваясь, и она вздохнула перед тем, как подняться, чтобы уйти, остановившись, чтобы повернуться и поклониться в дверь, задерживая взгляд Люка на мгновение с вопросительным выражением лица. Он незаметно кивнул, и она отступила, двери закрылись перед ней. Оба мужчины долго молчали, ожидая ...

Наконец, почувствовав необходимость нарушить тишину, Вейдер сказал: «Я пришел, чтобы провести окончательный разбор Флота, который будет сопровождать запуск« Инвинсибла ». "Не могли бы вы отправить это курьером?" - отстраненно спросил Люк, не отрывая глаз от двери. «Нет, информация ограничена по приказу Императора». Вейдер ответил легко, тоже выжидая, заполнив пробел бессмысленными словами. "Понятно. Сколько Разрушителей?" «Четырнадцать, не считая« Палача ». Они прибудут в течение следующих восьми дней и займут позиции около станции полярной южной глубокой орбиты...»

Наконец Люк отвернулся от двери и посмотрел на отца, оба мужчины слегка расслабились.

"Вы их тщательно выбрали?"

Его манера поведения резко изменилась, когда он шагнул вперед, голос стал тише, а тон расслабился теперь, когда он был уверен, что Мара вышла из соседней комнаты.

«Да. Двое уже лояльны, десять потенциально можно убедить, а двое верны Императору, чтобы уравновесить любые подозрения». Вейдер уже договорился со своим сыном о начале переназначения лояльных и потенциально лояльных военных сторонников, а помпезность и церемония, сопровождавшие запуск нового флагмана, позволили бы ему на короткое время вспомнить многих высокопоставленных офицеров, с которыми Люк редко имел возможность встретиться. в основных системах. Празднование инаугурации "Инвинсибла" будет проводиться в ночь запуска в Государственном бальном зале, огромном месте, где, с небольшим тщательно продуманным вмешательством, Люк сможет подать тонкие личные петиции и сформировать основы альянсов взамен гарантии.

Этого было бы трудно достичь под носом шпионов Палпатина и самого Императора, но мальчик оказался на удивление умелым, создавая союзы и сотрудничество таким образом, которого Вейдер никогда не мог, его прямой, но не властный стиль командования сделал его популярным среди военных. , кажущаяся доступной и заслуживающей доверия даже в этом. Теперь он кивнул, взял небольшой чип данных, который предложил Вейдер, и загрузил его в

считывающее устройство на столе, сосредоточив внимание на запоминании имен и изображений по мере их появления.

Он не выражал беспокойства при мысли о поставленной перед ним задаче, просто концентрировался, выучил имена, кратко обсудил стратегии, основанные на предоставленной информации, выбросив продуманные фрагменты о семье или происхождении отдельного человека, которые необходимо было принять во внимание. Вейдер отметил, что теперь он стал настолько естественным для этого окружения, что это будет прием сотен ведущих фигур галактики в показном величии и возмутительном, экстравагантном излишестве зеркальной галереи и пещерного государственного бального зала. меньшее значение, чем знание того, что в зеркалах и толпе многие уши будут слушать, а некоторые из них невинно.

Люк прищурился, выразив мнение, что ему не следует упоминать о потенциальной причастности капитана Доррина к капитану Лейну, двум капитанам звездных разрушителей, поддерживающим давнюю вражду из-за их семейных домов, расположенных на двух планетах в пределах Узла Стеннесса и удерживаемых от тотальная война только из-за присутствия Империи в их системе, ссылаясь на постоянное скрытое течение ссор и соперничества между двумя Домами внутри Двора. Вейдер молча кивнул, соглашаясь в этом и других пунктах, впервые осознавая, как долго Император тихо ухаживал за мальчиком, чтобы командовать - заставляя его иметь дело с постоянными препятствиями и препятствиями; искать другие средства, другие методы и маневры.

Выучить все эти хитрые уловки и ловушки просто для того, чтобы избежать их или отбросить, - но изучить их все одинаково, теперь в равной степени как дома, с драйвовыми амбициями и широкими политическими играми военной элиты или с тщательно продуманными интригами и тонкими, мелочными махинации Суда, где Вейдеру всегда было непросто. Когда Люк убедился, что у него есть практическое знание информации, он медленно пролистал изображения в последний раз, затем очистил память чипа данных, вернув ее отцу. «Мы должны довести дело до конца; ты был здесь некоторое время».

Он решил не упоминать отцу о запланированном нападении на Непобедимого, не видя в этом особой выгоды. Во-первых, потому что он знал, что его отец автоматически обидится, если повстанцы попытаются покушаться на имперский суверенитет, и Люк особенно не хотел попадать в ситуацию, в которой он был вынужден защищать восстание вследствие этого, зная, что его Отец бы поверил, что лояльность Люка разделилась, а во-вторых, потому, что ему не требовалась помощь или вклад отца в этом. Вейдер будет иметь свое собственное мнение , и он будет сильно провел и столько, сколько он хотел, Лука не верил , что его отец мог бы доверять не принимать это Палпатина просто башку взаимодействия Люка с мятежниками.

Кроме того, его решение было принято, даже если, как в данном случае, просто лучше всего было подождать и посмотреть; это был редкий случай, когда было выгоднее действовать, чем проактивно. Вейдер на мгновение задержал взгляд сына, осознавая, что есть нечто большее, но полагая, что это просто его предвкушение поставленной задачи, затем кивнул, взял пустой чип и спрятал его в складках своей одежды, протянув Силу за пределы комнаты. - «Она становится подозрительной». Он сказал очень уверенным голосом, но тогда так было всегда.

«Только этого, сегодня».

Вейдер вздохнул, и Люк собрался с силами, ожидая критики, которая, несмотря ни на что, он знал, что придет. Он был выдан в неожиданной форме;

«Короткая запись попала мне в руки месяц назад от дилера на Билбринги. Я купил и

уничтожил ее». Люк молчал, настороженно глядя, почти не замечая хрипящего дыхания аппарата жизнеобеспечения, который носил его отец, такого знакомого - звука, который он стал. Вейдер продолжил после долгой паузы, уверенный, что теперь он привлек внимание мальчика. «На нем было видно, как ты сошла с края балкона позади себя. Мара Джейд поймала тебя». Люк долго размышлял, опустив глаза, и Вейдеру осталось только гадать, решает ли он, говорить ли ему правду или говорить ему что-нибудь вообще. «Я проверял теорию». Люк наконец позволил, не встретив безликого взгляда отца. Вейдер склонил голову набок: «Это существо?» - подсказал он, когда мальчик больше ничего не предложил. Люк небрежно пожал плечами: «Всего лишь теория». он избегал.

«Очевидно, с Джейд».

Вейдер зарычал, его отвращение было очевидным. Его сын взглянул на это, предупреждение на мгновение вспыхнуло в его несовместимых глазах, затем он отвернулся к высоким окнам, чтобы посмотреть на темнеющее, тяжелое небо. Вейдер оставался неподвижным, разочарованный своим упрямством так же, как и своим сыном, поэтому, когда мальчик заговорил, его слова вызвали удивление.

"Скажи это."

Наконец, Люк пригласил, зная, что это то, к чему хотел обратиться его отец. «Ты будешь делать, как хочешь, несмотря ни на что». - очень уверенно сказал Вейдер.

"Да."

Люк ответил, полуобернувшись к отцу: «Но я приму к сведению то, что вы скажете».

«Она опасна».

Вейдер не колебался - он все равно делал это редко, и в этом он был очень уверен; «Она всегда останется верной Императору, и ей нельзя доверять... если не считать теоретических испытаний».

Люк слегка наклонил голову в знак признательности: «Я знаю - и я не проверял это».

Он больше ничего не предложил, когда вернулся к надвигающейся буре. Вейдер попробовал другой прием: «Палпатин использует ее, чтобы контролировать тебя».

«Я тоже это знаю». его сын ответил: «Я не слепой».

«Но вы позволяете это».

Предупредил Вейдер; это было равносильно тому же самому - хуже, потому что мальчик позволял это сознательно; охотно.

Люк скрестил руки, но когда он заговорил, его тон оставался открытым: «Дайте мне вариант - жизнеспособный».

Вейдер, не колеблясь: «Уберите ее».

"А что потом?" Разве это не очевидно?

«Эта проблема также будет снята».

Люк повернулся с твердым тоном и решимостью.

«Тогда ее заменит, и мне придется изучить рабочие процедуры другого« наблюдателя ».

Откройте для себя совершенно новый набор сильных и слабых сторон и привычек - четыре года знакомства и потраченные знания. Не лучше дьявола, которого вы знаете . "

«Вы позволяете ей слишком близко». - поддержал Вейдер. Его сын пожал плечами: «Я могу контролировать ее. Она считает, что близка, и передает эту уверенность Палпатину».

«Ты думаешь, что можешь контролировать ее, - поправил Вейдер, - у тебя нет доказательств. Она всегда будет верна Императору».

«Я знаю. Но пока она находится рядом со мной, я могу точно контролировать, какую информацию она предоставляет, а к которой не участвует, поэтому я точно знаю, какую информацию она передает Императору - на что он реагирует и почему. Он безоговорочно ей доверяет - и что это его слабость ".

"А ты?"

Спросил Вейдер «Я ей совсем не доверяю». - сказал Люк, гадая, сколько на самом деле знал его отец и сколько было его собственной совести. «Я не об этом спрашивал». Люк настороженно повернулся к отцу. Потому что, что бы он ни говорил вслух, если Вейдер думал, что Люк и Мара были слишком близки, он боялся, что найдет способ убрать ее.

«Она не слабость, потому что я не позволю ей быть. Это то, что ты хотел услышать?»

«Смотрите, что вы этого не сделаете».

Вейдер бросился в атаку, тоном немного далекий от команды. Глаза Люка прищурились, обидевшись на Мару так же, как и на себя: « Не приказывай мне». «Не оставляйте себя открытым для критики». - упрекнул Вейдер.

"Вы должны хорошо подумать, прежде чем говорить это".

Эти слова сорвались с его рта, прежде чем он даже подумал о них, подстрекаемые самодовольным тоном отца. Даже сейчас, зная, какой ущерб они нанесли, Люк не мог отступить, потому что слишком хорошо знал своего отца, чтобы думать, что его молчание теперь представляет собой какое-то соглашение.

«И для ясности - если что-то случится с Марой Джейд, все сделки не будут обсуждаться - поймите это».

Люк знал, что это было признанием, по крайней мере, частичной уязвимости с его стороны, но нужно было сказать, что иначе его отец выступит против нее, основываясь исключительно на том, что уже было сказано.

«Мара Джейд не твоя забота».

"Нет- но ты".

Его отец парировал без колебаний. Была ли это манипуляция или реальность? Его отец оставался закрытой книгой для Люка, его истинные намерения были скрыты. Он хотел верить, что слова Вейдера были сказаны из искренней озабоченности, но он знал его слишком хорошо;

по крайней мере, отчасти это была защита его инвестиций. Вейдер по-прежнему был абсолютно уверен в том, что он знал, что лучше для Люка, и в типичной жесткой манере сделает все, что он считал необходимым, чтобы сохранить своего сына и, следовательно, его инвестиции в нужное русло. Противоречия не было; они были для него одним и тем же. Люк встревоженно отвернулся, не зная, как реагировать на подобные уклонения отца.

«Я могу позаботиться о себе».

«Ты простишь меня, - сухо сказал отец, - если я не приму это к сведению». . . Мара вышла посмотреть, как проходит Вейдер, слыша его тяжелые шаги в коридоре за тяжелыми двойными дверями дневного кабинета Люка. Он взглянул на нее с явным отвращением, но не остановился: шквал темных одежд на фоне белоснежных травертиновых плиток длинного коридора. Хотя он разделял часть стены с его личной гостиной, Мара не мог ничего слышать из дневного кабинета, кроме нарастания и спада их голосов, когда они говорили, и глубоко оштукатуренный полуизгиб на прилегающей стене изолировал шум. В ее компетенцию не входило наблюдение за Вейдером, но положение Люка в элите Императора было более стабильным и надежным, чем когда-либо прежде, и она не хотела, чтобы Вейдер подвергал это опасности своими собственными мелкими планами.

У нее было искушение повесить на стену вибратор, чтобы посмотреть, проясняет ли это что-нибудь, но какой-то крошечный фрагмент исчезнувшей морали заставил ее отказаться больше от такой тактики с Люком, несмотря на горячее любопытство и профессиональную озабоченность. Напряженные отношения Люка со своим отцом были чем-то, на что император в значительной степени полагался, чтобы поддерживать управляемый статус-кво между двумя его помощниками и, следовательно, его собственную безопасность. Его всегда нужно поддерживать, он ясно дал это понять.

Малейшее ослабление вражды вызывало в ответ самые серьезные меры, всегда направленные против Люка - несправедливо в сознании Мары; но потом она давно поняла, что жизнь редко бывает справедливой. Готовность Люка выставить напоказ этот факт за свой счет была более недавним, но не менее тревожным открытием, в равной степени возбуждающим защитные инстинкты и возмутительное разочарование. Когда она вернулась к Люку, он стоял у высоких дверей из плексигласа, обхватив себя руками, и смотрел на далекий шторм, как молния, разветвляющаяся над горизонтом города, на короткое время освещая темные низкие облака, в то время как гром грохотал все ближе, заряжая влажный воздух. . Мара бесшумно подошла к нему и потянулась, чтобы закрыть открытые двери на балкон.

«Не оставляйте их открытыми». - тихо сказал Люк, задумавшись.

"Почему?"

«Я хочу услышать шторм». - пробормотал он отстраненно и рассеянно.

«На каждой планете всегда один и тот же звук - независимо от цвета неба или ландшафта внизу - вы это заметили?»

Она нахмурилась, глядя на катящиеся облака, видимую полосу дождя, катящуюся по городу, несущуюся к Дворцу.

Молния раздвинулась снова, ближе, заставив Мару вздрогнуть: «Тебе следует отступить».

"Почему?"

«Есть шанс, что тебя ударит молния».

Он отвернулся, снисходительно, склонив голову набок, в то время как его глаза не отрывались от надвигающейся бури, небо над головой теперь темное, гром - постоянный бас, вибрирующий в ее груди.

«Мне нравится шторм».

Наконец он сказал, по-прежнему замкнутый и задумчивый: «Раньше они были у нас на Татуине».

Громкий грохот расколол небо, заставив его улыбнуться, когда две молнии опустились в идеальный унисон. Мара с любопытством отступила назад. "Дождь?"

«Раз в пять или шесть лет. Вы могли чувствовать, как он нарастает неделями раньше - как заряд в воздухе. Тогда буря просто ... взорвется над головой, и небо раскроется. Капли дождя такие большие, что вы можете протянуть руку и пять или десять капель наполняли твою ладонь. Ты мог пить воду с неба, все еще стоя в пустыне ».

Мара была потрясена силой воспоминаний, которые он рассказывал, его слова были едва слышны.

«Я не знал».

Он кивнул, глядя вверх, когда молния снова раздваивалась, ухмыляясь от ярости шторма: «Может, четыре или пять часов, вот и все.

Но это было просто ... невероятно - сплошная вода. Иногда, если бы это было действительно заранее горячо, и камень был теплым, можно было слышать, как стены каньона трескаются и трескаются во время наводнения. Вы бы видели, как огромные куски отрезаются от скалы... "

«Это должно было быть потрясающе».

«Это была природа в первозданном виде - невероятно. Вода была повсюду - настолько много, что местами собиралась на землю; если вы подошли к каменным трещинам, она фактически оказалась бы на поверхности земли ... она изменила форму обрывов дюн, которые были там в течение нескольких месяцев, исчезли в одночасье, превратившись в ничто за считанные часы. На следующее утро пири исчезли ».

"Пири?"

Еще один скрипучий грохот прокатился по комнате, разрезая воздух невероятной силы.

«Это маленькие голубые цветочки, крошечные. Они выходят, только когда идет дождь, всего на день или около того, а потом их нет. Ярко, лазурно-синее. На рассвете над дюнами будет туман, как низкое облако, затем, когда оно сгорело, там были пири - их были миллионы. Весь ваш мир изменился - все, что вы так хорошо знаете, покрыто этим невероятным потоком цвета, и вся пыль и песок исчезли. Есть место недалеко от того места, где я когда-то жил, под названием Дюнное море.

Чужеземцы и люди, которые не знают пустыню, думают, что это из-за песчаных дюн, но это потому, что раз в пять лет, когда идут дожди, она заполняется плотнейшим слоем пири, и это выглядит ... оно похоже на глубокое синее море.Покрытые пири дюны похожи на океан, и все

движется, катится на ветру, как океанские волны.Всего на один день в пустыне есть море ». Она в восторге изучала его; смотрел, как его лицо поднялось в ярости бури, и задавался вопросом, сможет ли невероятный пири когда-нибудь сравниться с голубизной его глаз ... Он все еще обнимал себя руками, поднимающийся ветер взъерошивал его волосы, взъерошивал их.

«Песчаные люди - таскенские налетчики - они судят о своем возрасте по тому, сколько раз они видели штормы».

Первые капли дождя начали падать на сухой бледный камень балкона, оставляя там большие темные круги.

Люк взглянул вниз, наблюдая, как они умножаются, пока они не начали сливаться: «Интересно, видел ли когда-нибудь это мой отец».

Мой отец ... Мара нахмурилась;

«Он… он там вырос?»

«Да. Могила его матери была недалеко от усадьбы, на которой я вырос».

Люк ответил на ее невысказанный вопрос, прежде чем он сформировался в ее мыслях, на этот раз позволив увидеть небольшую часть своего прошлого - больше, чем она когда-либо знала.

«Я думал, что он был штурманом на грузовом судне. Мне сказали, что он давно умер». Мара почувствовала, как ее сердце сжалось от грубых эмоций, которые он так старался скрыть за этим небрежным, отстраненным тоном, его глаза все еще были прикованы к покрову дождя и зловещему грохоту неба.

"Есть ... нечего между вами спасти?"

Она знала, что это не то, чего хотел Император, но скрытая боль в его голосе все равно заставила ее спросить - а как она могла этого не делать? Он прислонился к дверному косяку, опустив глаза.

«Я не знаю. Как я мог ему когда-либо доверять?»

"Необходимо ли доверие?" она толкнула.

Он покачал головой и долго молчал. Это был самый уязвимый из тех, что она когда-либо видела, раздираемый сомнениями и желаниями.

«Я думал, что хочу убить его. Когда я впервые… когда я снова увидел его после… после Палпатина».

Он покачал головой, небо за окном на мгновение осветилось вокруг него, буря прямо над головой: «Я потерял все, и это была его вина.

Он мог бы мне помочь ... столько раз он мог бы помочь мне ... а я не мог Не понимаю, почему он этого не сделал. Я должен был ... К тому времени я знал, что Палпатин мог делать, как он мог крутить все, что ему было удобно. Как он мог исказить твой разум и связать тебя. Но я думал, что во всем виноват Вейдер. все, что я знал, это то, что я хотел отомстить. Я хотел показать ему, что я не слаб и не могу быть использован им снова. Не будет ».

Теперь проливной дождь почти заглушал его тихие слова, холод, стекавший по коже Мары, отчасти реакция на шторм и отчасти сочувствие к ее возлюбленному.

«Я думал, что хочу убить его - я был так уверен ».

«Но Палпатин остановил тебя».

Дождь внезапно превратился в ничто, пока она говорила, небо замерло, когда очко бури пролетело над головой, воздух наэлектризовался.

«Нет, Палпатин не останавливал меня. Я вошел туда, намереваясь убить его, несмотря на приказ Палпатина. Ничего из того, что он сказал - ничего - не имело ни малейшего значения в тот момент». Мара моргнула.

"Потом...?"

«Я не убил его, потому что... .. я не мог. В тот момент, когда у меня была сила, когда я поднял саблю...»

Люк покачал головой, медленно скользя по краю дверного косяка, пока он Он сгорбился, скрючившись, обхватив себя руками, потерянный в памяти.

«Я не мог убить его. Я не мог убить своего собственного отца - как я мог? Что бы ни случилось, как я мог?»

От этого у Мары сжался живот; на невероятные, далеко идущие последствия. Палпатин повесил свой контроль над Люком на том факте, что он разорвал связь между отцом и сыном. О том, что он обладал силой сдерживать и сдерживать Скайуокера даже в пылу битвы, даже когда его павший джедай хотел - нужно было убить ... Но это... это означало, что у него и близко не было контроля над Скайуокером, как он считал. Это означало, что все, что он построил после этого, было основано на лжи! Огромный грохот грома разорвал небо, дождь снова лился плотной завесой, мир Мары, ее жизнь, все перевернулось одним этим признанием. Каждой фибре ее велят бежать - бегать к своему хозяину и сказать ему правду; что Скайуокер был угрозой, опасностью.

Вспыхнула молния, ослепляющая, и всего на мгновение ... на этот миг Мара увидела в сгорбленной фигуре в темной одежде, вырисовывающейся на фоне взбаламученного неба, что-то дикое и зловещее, мгновенный образ из видения давным-давно, когда пилот повстанцев впервые увидел был заключен во дворце; когда он впервые напряг свои умственные мускулы и бросил Силу в укрепленные окна с резьбой из моноволокна, разбив их на тысячу безумных осколков.

Она вспомнила волка из своего видения, сгорбленного и задумчивого, сидящего в шторме, ожидающего своего шанса ... Но что-то еще тронуло ее сердце и душу и удерживало ее в рваной нерешительной неподвижности. Как она могла ... как она могла его предать? Да, он был волком ... но он был ее волком. Он был диким, непредсказуемым и капризным, но он был ее ... Он повернулся, волосы зачесались вокруг его лица, когда теплый ветер прогнал бурю над головой, дождь перешел в морось, далекие лучи яркого солнечного света пронзили тьму.

"Мара?" - неуверенно спросил он, чувствуя перемену в ней, столь же внезапную,

как шторм. Она смотрела на него в течение долгих секунд, даже дыхание не нарушало удушливую, тяжелую тишину... Затем она улыбнулась, шагнув вперед, и он встал, чтобы обнять

ее, скрывая все эти сломанные сомнения и преданность, Мара позволила теплу его близкого тела вытеснить их из ее разума.

«Буря закончилась». - пробормотала она, когда первые яркие лучи облака достигли садов далеко внизу. Он только нахмурился, обеспокоенный.

«Будут другие».

День первого полета был теплым и близким, Люк рано вставал, чтобы в последний момент все устроить. Последние три дня он приезжал в Бесподобный каждое утро, якобы для завершения деталей прибытия «Непобедимого», намереваясь сделать это рутиной, чтобы, когда он сделает это сегодня утром, это не выглядело бы неуместным. Рис встретил его на посадочной платформе, Халлин был оставлен на борту «Несравненного» двумя днями ранее под предлогом того, что упаковывал свое личное снаряжение в медикентре, готовясь к переезду на «Инвинсибл» вместе с остальной частью командного состава Наследника, всеми из которых будет двигаться вместе с ним - если он не может положиться на корабль, то

Люк намеревался по крайней мере доверять окружающим. Рис должен был остаться на «Бесподобном» сегодня, чтобы наблюдать за деталями смены командования, Люк оставил Маре известие, что он вернется на Корусант к середине утра, как он делал это в последние несколько дней. Когда он вернулся во Дворец, Лямбда-шаттл, который доставит его к «Инвинсибл», уже ждал, Мара стояла неподалеку, прикрывая глаза от полуденного солнца. Люк молчал на шаттле, осознавая, что Мара смотрит на него, но не признавая ее, мысленно где-то еще; на «Инвинсибл», о запланированной атаке - он знал, сколько их будет на борту, но не где, и он знал, что они направлялись в нижнюю операционную комнату, которая служила резервным мостом в случае сбоев системы. Должен ли он помочь им - немного расчистить путь, поредить охранников? Нет; если им это не удастся, будет проведено расследование, и ему нужно будет оставаться полностью неприкосновенным.

"Люк!" - резко сказала Мара тоном человека, который повторял себя. "Хм?" Мара наклонилась так, чтобы он мог услышать ее тихий шепот, но не был подслушан пилотами в кабине шаттла, даже здесь нет уединения.

«Что с тобой сегодня? Твоя голова на другом конце галактики - так было с тех пор, как ты попал в этот шаттл».

«Мне просто не нравятся эти вещи, Мара - ты это знаешь». Ему было неудобно, что она могла так хорошо его прочитать, теперь он отвел взгляд, внимание снова было обращено на впечатляющую громаду «Непобедимого», игнорируя пристальный взгляд Мары.

«Знаешь, ты раньше так много улыбался, когда впервые приехал сюда». она сказала. Люк нахмурился, поворачиваясь.

"Что?"

"Раньше ты улыбался. Даже если тебе не о чем улыбаться, ты все равно делал это. Я всегда это помню; ты говорил, смеялся, шутил и дразнил. Ты называл меня Красным - помнишь? Я всегда был поражен на твою ... упорство. На твой отказ, чтобы тебя запугали, чтобы тебя заткнул этот массивный властный Дворец. Все ходят вокруг и шепчутся там; это заставляет людей чувствовать себя маленькими. "

Он с тревогой отвел взгляд: «Это всего лишь камни и известняк».

«Но ты больше не улыбаешься».

Мара продолжила.

«Ты не смеешься. Я любил твой смех; в нем было сердце. Никакой стороны, никакого обмана или притворства, просто...»

Она покачала головой, скорее разочарованная, чем разочарованная. Люк бесстрастно наблюдал за ней в течение нескольких секунд, а затем отвернулся, пытаясь вернуть свою концентрацию к неминуемой атаке, но теперь он не мог проигнорировать это - или, по какой-то причине, разочарование в голосе Мары. "Я смеюсь." - сказал он наконец очень тихо.

"Что?"

«Каждый раз, когда ты пытаешься сделать петлю бесконечности с помощью светового меча для одного», - сказал он легко, его голос был достаточно громким, чтобы она могла ее услышать, слегка наклонившись, как будто чтобы подтолкнуть ее плечом через пространство между широким, сильно - мягкие сиденья, в которые они сели рядом, предотвратили это.

"Благодаря." - криво сказала она, закатывая глаза, но он чувствовал, что ее настроение немного улучшилось.

Некоторое время они молчали, Мара снова опустила голову, теперь погруженная в собственные мысли. В конце концов, рука Люка, лежащая на подлокотнике рядом с ней, слегка потянулась, его мизинец обвился вокруг нее, удивленно приподняв ее голову, ее глаза сначала обратились к пилотам в открытой кабине перед ними, а затем к Люку. врасплох. Даже этот крошечный акт близости представлял собой невероятный риск на публике, и тот факт, что он инициировал его, прокатился по ней, как теплый ветерок, растопив все ее сомнения, полностью соблазнив ее. Как он мог это сделать? Он задержал ее взгляд на долгие секунды, затем повернулся, чтобы посмотреть на кабину шаттла и двух пилотов, чтобы убедиться, что за ними не наблюдают. Но он продолжал прижимать руку к ее руке, осторожно переплетая пальцы, осознавая, как она смотрит на него, как изменилось ее восприятие, как проплывающее облако.

«Непобедимый...» - сказал наконец Люк, нарушив долгое молчание, глядя на вырисовывающуюся громадину огромного звездного супер-разрушителя. «Бит спорного имени.»

Наконец Мара повернулась, взглянув на пилотов, быстро собрала

«Я думаю, что Палпатин, возможно, ищет еще несколько сотрудников службы безопасности».

Мара пошутила: «Вы должны увидеть, сколько солдат в штатском и красных гвардейцев он отправил на« Инвинсибл »с техниками за последние несколько дней».

Рука Люка на мгновение застыла, а затем снова начала двигаться, легкая тень прошла по его глазам и закалила их, хотя его голос оставался обманчиво небрежным: «Серьезно - сколько?»

«Я не знаю - легко пару сотен, полагаю».

Люк заставил себя дышать, придавая ему равнодушный тон.

«Странно - их нет в судовом журнале».

«Нет», - Мара взглянула на него, но успокоила его, когда он слегка улыбнулся. «Они были как бы спрятаны среди рабочих. Но они где-то наверху, на« Инвинсибле ».

Я понятия не имею, куда он их помещает, потому что их очень много, и я не думаю, что кто-то вернулся. еще."

Люк медленно кивнул, глядя на надвигающуюся зловещую громаду звездного суперразрушителя: «Возможно, это его Почетный караул; может, они поднялись на день раньше».

Мара небрежно согласилась, лишь слегка заинтересовавшись: «Возможно.

Я думал, что видел, как его личная охрана поднялась прошлой ночью - а основная часть собирается подняться сегодня на его шаттле и сопровождающих его ...» .

Люк после этого мало что слышал, мысли забегали, так что он даже не вспомнил, как шаттл приземлился в массивном Главном заливе «Инвинсибл».

Я не помнил, как проходил мимо выстроенных рядов идеально подготовленных штурмовиков, не кивал отстраненно, когда Палпатин представлял любимых сановников и моффов, когда он достиг Командной палубы широкого моста, двух зеркально отображенных Операционных Ям, кишащих нервными офицерами. Все делалось на автопилоте, мысли гудели, доведенные до безумия одним фактом; Он знал . Палпатин знал, что атака неизбежна, и приготовился к ней. Почему именно он решил позволить этому идти вперед, Люк не знал; у него должны быть свои причины.

В этот момент это был спорный вопрос - имело значение только то, что он знал. И шансы были, если бы он знал , когда, то он , вероятно , знал , как - это означает , что даже если коды команд появились на работу, там уже должна быть некоторые переопределение на месте, скрытое в системе. Возможно, Олиньяа все-таки сломалась; или его Учителю уже удалось разместить нового шпиона в Восстании? Последнее было серьезным осложнением, потому что Люк знал, что это подвергает опасности его собственного шпиона Аргота. Произошло еще одно осложнение, ужасающее по своим последствиям; мог ли Палпатин знать, что Люк тоже знал? Для него это тоже было испытанием? Его Учитель любил проверять лояльность окружающих, и в такую запутанную игру он играл ...

Люк со всех сторон внимательно обдумывал успокаивающие мчащиеся мысли, пытаясь ясно видеть, свободный от кропотливо насаждаемой пропаганды и паранойи своего Учителя. Нет, вопреки образу, который любил создавать Палпатин, он не был всевидящим или всезнающим; не было никакой возможной связи между Люком и атакой, никаким способом доказать его знание, кроме, возможно, через собственный источник Люка в Восстании, контакт, который он давно признавался Палпатину, но никогда не идентифицировал. Из-за секретности миссии не было никакой гарантии, что Аргот вообще узнает о запланированной атаке; поскольку Палпатин не знал, кто был агентом Люка, можно было логически предположить, что это было то, что она не была достаточно высока, чтобы быть причастной.

Фактически, при некотором тщательном управлении, она могла бы немного снять с нее жар, если бы Палпатин поставил своего собственного шпиона, которому было поручено раскрыть и закрыть источник Люка. Все это сейчас было несущественно; все, что имело значение, была его реакция сегодня; помочь или помешать. Собравшиеся высокопоставленные лица были приведены к порядку, Люк вежливо провел к руководителю собрания, Мара всегда была в его тени - знала ли она, что что-то не так? Осознавая свое продолжительное молчание, Люк

повернулся, коротко и натянуто улыбнувшись, прежде чем Император вошел в комнату, заставив его замолчать своим присутствием, подошел к голове поклоняющегося собрания, Люк автоматически плавно опустился на одно колено, не встречаясь взглядами. его разум все еще бьется, зная, что его Учитель смотрит на него.

Он ждал? Он ждал признания от Люка? Конечно, было бы ошибкой внезапно заявить о знании; Палпатин знал бы, что Люк все продумал, и соответственно скорректировал свои действия. Это означало, что все, что мог сделать Люк, - это обнаглевать это… Он должен был остаться; он должен был оставаться на Мосту до тех пор, пока не произойдет нападение, и реагировать на него так, как если бы оно исходило от какой-либо неизвестной внешней угрозы - а это означало, что, когда наступил момент, он должен был решительно закрыть его.

В любом случае жизни повстанцев были потеряны, кем бы они ни были; Люк уже ничего не мог сделать, чтобы помочь им. Лучше быстрая смерть от его рук, чем дни во власти безжалостного гнева Палпатина. Беладон Д'Арка, как церемониймейстер, начал свою речь, аккуратно и осторожно поклонившись Императору, а затем Люку, поскольку он признал их сначала и отдельно, перед привилегированной избранной группой, лично присутствовавшей на официальном запуске Разрушителя. «Ваше Превосходительство; сэр; джентльмены, добро пожаловать на борт нового флагмана. Не только основного флота, но и всей Империи. Теперь вы стоите на борту самого технологически продвинутого корабля в галактике, открывая новую эру имперского превосходства…» Люк даже не слышал голоса, не говоря уже о словах, глаза смотрели на мужчину, не видя, ум спешил, чтобы понять это… Да; жизни ударной группы повстанцев на борту уже были предопределены - они просто еще не знали об этом. Что бы они ни делали, что бы он ни делал, они были мертвы.

Первое правило сабакка; не зацикливайтесь на марихуане. Если он пытался помочь им, надеясь дать им шанс искупить вину план, который теперь был по существу ошибочным, то он рисковал попасть в ловушку, в лучшем случае как соучастник, в худшем - как подстрекатель, причем любой вариант предусматривал суровое наказание. Для любого другого это была бы смерть; для ЛюкаНет, Палпатин не станет убивать своего драгоценного джедая , но он разобьет его на части, разорвет на куски, как он это сделал в первый раз. Люка вернут в камеру, как будто последних четырех лет и не было. Вся его работа, все его жертвы зря. Начни снова - только тяжелее, потому что Палпатин больше никогда не поверит. Никогда не выпустит своего драгоценного джедая из поля зрения.

Разум Люка гудел от преследования при мысли о его пребывании в камере, воспоминания все еще были сильны, переплетались с каждой его мыслью наяву даже после всего этого времени - достаточно, чтобы колючая волна раздавила его грудь, челюсти сомкнулись, глаза смотрели в никуда , не обращая внимания на безупречную, изящную церемонию, происходящую вокруг него. Нет; он не мог этого сделать, только не снова. И он не стал бы этого делать - ни для группы людей, которые надеялись свергнуть его одновременно с Императором; убить двух зайцев одним выстрелом. Это была правда - это была степень их уважения к нему ... и, следовательно, степень его уважения к ним.

Что бы они ни думали , что они могли бы достичь, он бы дости- не с фейерверком и фанфарами , как это, но медленно, тихо, за кулисами. Планы в планах. Да, это был лучший образ действий; если бы он сам пошел за ними сегодня, то это, по крайней мере, продемонстрировало бы, что он не участвовал в заговоре. Если он уберет их, по крайней мере, это будет быстрая смерть - они будут избавлены от призрака его Учителя и, что более важно, их нельзя будет допросить. Конечно, не было никакой связи, чтобы раскрыть, но лучше было убедиться. А если он не сможет, если ему прикажут уйти ... ну, тогда он им ничего не должен ...

Далекий гул церемониймейстера просочился сквозь край мыслей Люка, момент действия приближался все ближе, придавая Силе знамение, заряжая воздух, напрягая его мускулы ... "…. Должен стать не просто флагманом Флота, но флагманом Наследника Империи, и, если прошлое указывает на это, мы можем быть уверены, что под его умелым командованием он получит больше, чем справедливую долю. действия ". В конце концов, по Мосту прокатилась волна вежливого смеха, Люк оглянулся на собравшихся, полностью упустив из виду банальность, сказанную Д'Аркой. Сжав челюсть, он позволил натянутой улыбке, почувствовал огонь ... ...

СЕЙЧАС! На мгновение вспыхнули огни… затем тяжелые противовзрывные двери на мост скользнули, закрылся массивный центральный замок. Вдоль коридора за ним, приглушенный звук множества бронированных дверей, запирающихся один за другим, с грохотом вернулся на Мост. Оратор нахмурился, колеблясь ... В углу поля зрения Люка, в яме для операций, офицер переключал элементы управления на консоли, безуспешно пытаясь снова открыть двери. Он начинается ... Подождите несколько секунд; не реагируйте слишком быстро. Дежурный офицер поднял глаза от ямы, встретившись глазами с Люком, когда он шагнул вперед и обратился к офицеру: «Откройте двери!»

«Сэр, кажется…»

" ОТКРОЙ ДВЕРИ!" - крикнул Люк, проходя мимо мужчины. Что бы ни случилось, он не хотел оказаться на Мосту. Красная гвардия, ранее незаметная на углах огромного моста, теперь шагнула вперед с военной точностью, быстро кружа вокруг Императора, так что Люку пришлось встать между ними, чтобы продвинуться к дверям, которые все еще были надежно заперты. Несколько неизвестных офицеров в командных ямах добыли бластеры из ниоткуда. Накачивая адреналин, Люк потянулся к Силе, когда он был в шести шагах от него, его рука поднялась ... она ответила нетерпеливым рывком, взрывом потенциала и мощи ...

С пронзительным визгом механизм слегка тряхнул, массивный центральный замок принял напряжение удара с потоком ярких искр, Красная Гвардия в шоке повернулась к двери, подняв оружие, не осознавая, что это сделал Наследник. - Люк вскрикнул, выбросив руку, и громоздкий замковый механизм, способный противостоять вакууму и взрыву, издал еще один скрежет, массивный механизм с круглой задвижкой в центре взрывных дверей вздрогнул, вспыхнул поток ярких актиничных искр, оставляя едкий запах сгоревших резисторов и изоляции, поднимается клубок дыма.

Высвободившийся адреналин дал Люку сосредоточиться на том, чтобы бросить еще один продолжительный взрыв грубой силы в массивную часть центрального болта, и на этот раз он полностью потерпел неудачу из-за скрежета рвущейся пластмассовой стали, в дверях открылся зазор шириной в метр, как сплав металла. замок был буквально разорван на куски, разлетелся на клочки с визгом расколотого металла, тяжелые двери врезались в свои гнезда с достаточной силой, чтобы смять окружающие стены с резким визгом разрушенной пластмассовой стали. Люк пошел с моста, не замедляя шага, остановившись только тогда, когда Император позвал его.

«Джедай, принеси мне одного живым». . Палпатин лишь однажды наблюдал, как его Волк кивнул, прекрасные глаза, холодные и твердые, как лед в темноте, затем он ушел, оставив Императора снисходительно улыбнуться, бескровные губы прижались к испорченным зубам. Он оглядел всех собравшихся, его лица побледнели от потрясения от того, что они только что увидели. Все они думали, что знают, на что способны ситхи - теперь они получили, в некоторой степени, демонстрацию этого. Они будут помнить это надолго, эта же мысль так ясно пронизывала каждого присутствующего в последовавшей шокированн указывая пальцем.

кричать резким, резким тоном, не вызывающим возражений: « ОСТАВАЙТЕСЬ С ИМПЕРАТОРОМ !!»

Она остановилась как вкопанная, ошеломленная силой и волнением его слов; резкой яростью в его бурных голубых глазах, бледная нить огненно-сернисто-желтого, лишь на мгновение вспыхнувшая по их краю. Он уже отвернулся, запертая дверь на аварийную лестницу сорвало крепления, когда он выбросил руку и с грохотом улетел вниз по металлической лестнице, царапающий грохот отдавался в пустоте. Мара долгие секунды смотрела на пустую лестницу, колеблясь, не зная, идти ли ей за ней… затем она повернулась и вернулась к Мосту и своему хозяину, ревущий клаксон, который наконец поднял тревогу, заставил ее подпрыгнуть на бегу.

К тому времени, как Люк добрался до третьей операции, повстанцы ушли; это не удивительно, учитывая, что был подан «Призыв в кварталы», предупредивший их тревогу, хотя они, вероятно, уже знали, что были обнаружены, когда были заблокированы от системы. Но они не ушли далеко; он был уже близко, всего в одном повороте от длинных коридоров, глядя вверх, гадая, сможет ли он без подозрений отключить вездесущие камеры наблюдения ... Он все еще чувствовал ее присутствие, странно знакомое даже после всего этого времени, позволяющее ему чтобы точно определить их, когда они бежали, постоянно приближаясь, разъяренные, возмущенные повстанцами за то, что они позволили ей прийти; на нее за то, что она, вероятно, настаивает.

Все еще бледный, он перешел на шаг и вытащил свой световой меч. . Лея на полном ходу побежала за угол, ее группа вокруг нее, четко осознавая, что время на исходе ... Ей не следовало приходить - Хан был прав; ее пребывание здесь было обузой для Альянса - если ее поймают живой ... еще один лидер повстанцев, чтобы имперская пропагандистская машина выступила на публике, и ... что-то, как лед, пробежало по ее спине и застряло в горле, задерживая дыхание ... Тяжелый взрывостойкий двери они были бегущим в стороне земли захлопнулась с бумом привкуса , раскол группы на две акции.

Попав в ловушку, она добралась до запертых дверей, внезапно обезумев, страх разгорелся глубоко внутри нее ... Отчетливый, неповторимый звук заставил Лею, время превратилось в патоку, несколько оставшихся солдат подняли оружие, шагнули вперед и неуверенно разошлись по воздуху, когда низкий хриплый звук светового меча пронзил воздух. Лея обернулась, звук ее собственного дыхания был громким в ушах… и увидела одинокую фигуру в темной одежде, вышедшую в закрытый коридор. На мгновение - на долю секунды, когда рубиновый световой меч осветил слепой поворот в дальнем конце коридора алым светом, она ожидала увидеть Вейдера ... Но фигура, которая шагала вперед с темными волосами, наполовину скрывающими дикие глаза, тело напряженное, готовое к борьбе, было чем-то гораздо более пугающим ... Раздался первый выстрел, заставивший Лею вздрогнуть, но он не поднял лезвие; даже не пытался использовать его, чтобы отклонить болт.

Вместо этого он поднял левую руку ладонью наружу ... и отбросил лазерный болт, чтобы безвредно врезаться в стену в потоке едкого света. Точно так же, как Вейдер сделал на Беспине. Теперь другие открыли огонь, и на мгновение Лея почувствовала некую надежду, поскольку огромное количество выстрелов сдерживало его, затем он закричал в ярости и двинулся вперед, врезаясь в оперативную группу, прорезая путь сквозь них, как будто это было ничто. целое подразделение против одного человека. Но они все же падали, скорость этого яркого малинового клинка образовывала, казалось бы, прочную стену света на фоне выстрелов бластеров, отражая энергию, ударяющуюся по стенам и потолку в ярких всплесках рассеянной энергии, огни мерцали и гасли в рикошетах, уменьшая яркую комнату Чтобы затемнить тени, линза безопасности взорвалась коротким пламенем раскаленных искр, ослепляющая белая вспышка выстрелов сверкала, улавливая короткие отрывистые образы, когда группа начала

выходить из строя, отступая, некуда идти.

Лея повернулась, отчаянно пытаясь открыть за собой двери, обугленный механизм пах выжженными схемами. Хан научил ее закручивать двери, и она подняла бластер к панели, высвободив пластину, обжигая пальцы о раскаленный металл и проклиная его, когда он не двигается, наконец, оттащив его в сторону, чтобы вытащить провода внутри и видеть это было бесполезно; что все было взорвано. Однако она не отрывала глаз от замка, щурясь от вспышек и мрака; приказала себе сосредоточиться - не оглядываться, не слушать - делать свою работу, открывать дверь ... И вдруг наступила тишина ... Она повернулась в темный коридор, наполненный дымом, который клубился густыми клубами, обжигая ей глаза, металлическая струйка крови смешивалась с запахом обугленной плоти и горящего кордита, застревая в глубине ее горла.

Тела тех, кого она знала, были разбросаны вокруг нее, неловко скрюченные, смертельно-неподвижные. Блюм, последний оставшийся солдат, встал перед ней, чтобы защитить ее. Видимость была всего несколько футов, огни были выключены, панели на стене искрились в тусклой дымке, заставляя ее вздрагивать - но в центре удушающего мрака, яркая и громкая в темноте, окутанная клубящимся клубящимся дымом, этот алый клинок все еще зловеще светился ... Темный дым клубился от какого-то невидимого движения, сжимаясь идеальными водоворотами, словно не желая находиться рядом с этим призраком-призраком ... и ситх медленно поднял голову, кроваво-красный клинок низко опустился позади него, упав на пол. Он посмотрел на нее, его грудь все еще вздымалась от напряжения битвы, дикие несоответствующие глаза смотрели ей в глаза - и Лея сделала то единственное, чего никогда раньше не делала за всю свою жизнь ...

Она застыла, как вкопанная, не в силах пошевелиться под этим острым взглядом ... Единственный миг растянулся на вечность, реальность превратилась в далекое искаженное пятно - все, что существовало, это карие глаза, устремленные на несовпадающие голубые ... И что- то ... что- то прорезало каждую мысль в голове Леи; мысленный шепот с силой удара, взрывающейся в ее голове, такое же чувство, как и мысль, подавляющая, подавляющая, заставляющая ее вздрагивать от его силы - БЕЖАТЬ!! Это было похоже на поражение электрическим током, пронизывающее ее, словно шипящий заряд, обжигающий каждый мускул ...

Она отшатнулась, когда за ее спиной с скрипом открылась запертая дверь, она дико отступила, чуть не провалилась в дверной проем, когда она схватила Блюма за рукав, таща его за собой. Без колебаний, ни разу не подняв бластер, Лея повернулась и убежала, тяжелая дверь с грохотом захлопнулась за ней, отрезая его. Она на полном ходу миновала остаток отряда, направляясь по боковому коридору, отправившись искать другой способ добраться до нее и ее захваченной команды. Она не останавливалась, не сбавляла скорости, крича им, чтобы они шли за ней. К тому времени, как они достигли спасательного корабля, штурмовики уже были на хвосте, их путь к выходу оставался свободным для группы Хана, но, по правде говоря, она даже не заметила ни их, ни бластерные заряды, которые безумно стреляли по нетронутым коридорам нового здания. Звездный разрушитель, Хан дико жестикулирует, пока Чуи прогревает двигатели украденного шаттла.

Они ворвались на борт и взлетели, поскольку аппарель корабля все еще уплотнялась, задавая извилистый курс, бежали в гиперпространство, тьма вокруг них освещалась дневным светом от дальних выстрелов слишком большого числа эсминцев, приближающихся к ним, Хан бросал шаттл в сложные маневры , проклиная всю дорогу. Лея стояла вдалеке и вдали, неподвижная, как статуя, все было каким-то туманным и нечетким, реальность сводилась к расплывчатым цветам и движению. Когда звезды превратились в полосы света, она все еще стояла в кабине,

сжимая белыми костяшками пальцев свой необожженный бластер, сердце колотилось, как молот, по ее ребрам, каждый удар прерывался на ее коротких вдохах. Ни в засаде, ни в бритье ... Но в тот момент , снова и снова бегая в ее голове, когда его присутствие рассекало ее мысли, как лезвие, наполняя ее ужасом, вселяя абсолютный ужас, одно-единственное слово, подавляющее все рациональные мысли ...

Бежать!! Она подняла свободную руку, глядя на нее теперь - она все еще дрожала ... . . . Люк спокойно вернулся от опустошенного участка коридора к мосту, штурмовики начали приближаться к его позиции, хотя он не замедлил шаг, заставив командира подразделения повернуться, пока он говорил. «Сэр, повстанцы сняли блокировку с шаттла в...» "Они ушли." - спокойно сказал Люк. Все еще глубоко погруженный в Силу, он чувствовал, как мысли солдата наполняются облегчением; что он ожидал взрыва при доставке этих новостей. «Встаньте. Заблокируйте все секции и отсеки и возьмите все активные подразделения солдат, чтобы начать медленную зачистку каждого этажа, начиная с моста. Я хочу, чтобы каждый человек на борту проверил журналы безопасности - из Дворца; не используйте тех, кто находится на борту.

И приведите техническую команду в операционную, где они находились - проверьте, не оставили ли они никаких сюрпризов в системе ».

Он повернулся ко второму штурмовику и протянул: «Комлинк?» Солдат без колебаний передал свой комлинк; было хорошо известно, что Командир никогда не носил с собой своих, и даже если и имел, то сейчас никто не собирался его расспрашивать.

Адмирал Джосс ответил на связь Люка: «Сэр?»

"Положение дел?"

«Мост под охраной, командующий. У нас больше нет сообщений о вторжениях, и все внутренние коридоры запечатаны и охраняются. Бесстрашные, Победа и Авангард переходят на фланговые позиции.

« Палач »также закрывается.

"Корабль повстанцев?"

Люк затаил дыхание, хотя уже знал.

«Сэр, корабль достиг скорости света; мы были достаточно далеко от Корусанта, чтобы они могли немедленно начать движение».

Люк не отреагировал; не выдыхал; рядом было слишком много глаз, не всем из которых можно было доверять.

"Траектория?"

«Расчет, сэр, но переменные...»

Джосс на мгновение замолчал; «Сэр, Император командует вашим присутствием».

"На моем пути." . .

К тому времени, когда Люк добрался до Моста, охрана была зашкаливает, королевская гвардия

повсюду, высокопоставленные лица уединились в небольшой группе, как овцы. Палпатин стоял в стороне от суеты оживленного моста, глядя в экран на разрушителей, приближающихся к их позиции, образуя вокруг них защитную стену.

Он немедленно повернулся, когда Люк подошел, жестом приказав ему встать, когда он только что встал на колени, с искренним одобрением в голосе: «Вставай-вставай, мой друг».

«Повстанцы ушли, Мастер. Корабль охраняется, но я думаю, что они представляли собой отдельную угрозу».

"Кто они?"

Желто-испещренные глаза Палпатина светились, его бледная кожа стала пепельной в ярком свете моста Разрушителя.

«Повстанцы».

Люк ответил просто; если его Учитель знал, что атака неизбежна, у Люка не было причин думать, что он не узнает, кто ее планировал. Теперь снисходительный тон Императора подтвердил, что он выбрал правильный курс; Палпатин знал, и решение Люка решительно выступить против них не было упущено.

"Откуда вы знаете?"

Люк знал, что он все еще не может устоять перед этим испытанием, настолько очевидным, что это может быть оскорбительным.

«С ними была Лея Органа».

Это тоже было тщательно продумано; Если бы Люк почувствовал ее, то его Учитель, должно быть, сделал то же самое, поэтому заявить о своем незнании было бы вопиющей ошибкой, а добровольно признать это было бы ценным утешением. Хотя, конечно, он не ожидал, что его Учитель признает это вслух. "Ты уверен?"

«Запись с камер видео-наблюдения подтвердит это, но я уверен, что да». Палпатин отвернулся, его лицо было скрыто в складках тяжелого бархатного капюшона, который он носил. Укус, которого ожидал Люк, наконец-то был доставлен.

"И ты позволил ей уйти?"

«Я не позволял ей ничего делать. Но да, она сбежала». Он позволил достаточно разочарованию в голосе, чтобы предположить его собственное раздражение по этому поводу.

"Как она выбралась?"

"Как она вошла?" - сказал Люк, покупая драгоценные секунды для размышлений…

"Ответь на мой вопрос."

«… Они оказались в ловушке в коридорах рядом с Шефом; я запер противовзрывные двери, поймав их в ловушку».

Он покачал головой: «Мне нужно проверить бревна - им как-то удалось открыть двери».

Палпатин снова посмотрел в сторону, пресытившись: «У них были коды блокировки - я очень внимательно посмотрю, как они у них были». Люк знал, что его слишком легко отпускают; единственная возможная причина, которую он мог понять, заключалась в том, что Палпатин знал правду о Лее и пытался скрыть ее сейчас, поэтому он выдвинул аргумент против себя; в любом случае факты будут выяснены достаточно скоро, и он, возможно, сможет уточнить знания Палпатина, возложив вину за эти двери на другое место.

«Тем не менее, двери не должны были открываться снова, я не закрывала их с помощью механизма».

Палпатин резко взглянул на него: «Ты применил Силу?»

«Да, противовзрывные двери, которые повстанцы заперли во время первого штурма, уже были открыты снова. У меня не было времени связаться с мостом, поэтому я закрыл их - запер ее. Я думал, что сжег систему и разден. механизм, чтобы сделать это. Не должно быть никакого способа открыть их ».

Палпатин с вынужденным спокойствием отвел взгляд: «Возможно, вы ошиблись».

Он знает о ее способностях - он пытается скрыть их от меня. Люк пошел еще дальше, зная, что обвиняет Лею Органу, намекнув, что она имеет некоторый контроль над своими скрытыми способностями, но на этот раз риск стоил своей цены. Она уже была номером один в списке самых разыскиваемых Империей, и Люку нужно было знать, было ли это потому, что она была лидером Восстания, или потому, что Палпатин знал, что она чувствительна к Силе. В любом случае, закрыв дверь взрыва, чтобы убедить Палпатина в своей готовности захватить ее, Люк должен был объяснить тот факт, что он снова открыл ее, чтобы вытащить ее.

«И... я думал, что чувствую...»

«Вы ранены». - сказал Палпатин сквозь его слова, заставив Люка взглянуть вниз с неподдельным удивлением. В какой-то момент во время короткой перестрелки он, должно быть, был поражен шрапнелью, но не осознал, адреналин и фокус подавили его, потому что, когда он поднял левую руку ладонью вверх, по ее краю из-под запястья была длинная глубокая рана. к его мизинцу, кровь засыхала вокруг кольца, которое он там носил, текла по его ладони и между пальцами. Палпатин протянул руку и взял его за руку, и это неожиданное действие полностью нарушило ход мыслей Люка. Он на мгновение сопротивлялся, пытаясь оторваться от захвата, но Император шагнул вперед и притянул руку ближе, когда Люк тревожно напрягся от неожиданного контакта. Его Учитель приложил тонкие, как кость, пальцы к ране и на мгновение открыл ее, приподняв ближе, чтобы изучить рану.

«Ему потребуются швы - позаботьтесь».

Люк отступил, снова пытаясь освободить руку. Палпатин взглянул на это, и Люк застыл под этим намеренным, многозначительным взглядом, испытывая глубокое неудобство - затем Император отпустил свою хватку, и Люк высвободил руку, влажные от крови пальцы Палпатина скользнули по ней, когда он это сделал, длинные ногти скользнули по коже Люка. как дрожь по спине. Он быстро отступил, собрав самообладание на расстоянии, затем ненадолго поклонился и повернулся, быстро ушел, стараясь оставить какое-то пространство между собой и своим Учителем ...

«Во-первых, - Люк обернулся, когда Палпатин заговорил достаточно громко, чтобы все на Мостике услышали, - я назову звездолет, который я пришел сюда запустить». Все неуверенно пробормотали, но Палпатин ухмыльнулся, все еще сосредотачиваясь на своих диких джедаях

на дальней стороне моста, в то время как в комнате воцарилась ожидающая тишина, все глаза смотрели на Императора, когда он медленно шагал к центру сцены, привлекая внимание, не отводя взгляда. Люка. Когда он, наконец, отвернулся, он должен был взглянуть на собравшихся сановников и офицеров, собранных и уверенных в себе, в высшей степени выдержанных, чтобы убедиться, что этот момент запомнится. «Я думал назвать его« Инвинсибл »

… но это всего лишь имя.

Этот корабль и его командир - наследник моей Империи, главнокомандующий моим флотом - заслуживают чего-то более… уникального. Что-то с учетом произошедших событий сегодня, в знак признательности за преданность, преданность его командира ... Корабль, который я спускаю сегодня на воду, я назову в его честь; в его честь ... Он смотрел на Люка через мост - на этот раз не для принуждения или запугивания, а для снисходительного одобрения. И почему-то это беспокоило Люка больше, чем все, что происходило раньше, когда Палпатин говорил с ним, его грудь замораживало до тревожного напряжения;

«Я называю этот корабль« Патриот ».

Пусть он прослужит долго».

По комнате прокатилась волна вежливых аплодисментов, хотя Люк не отреагировал, все еще сохраняя эту тревожную неподвижность, глядя на своего Учителя. Наконец он перевел дух; заставил себя уйти от момента. Он поклонился с нарочитым спокойствием, затем повернулся и пошел от моста, глубоко встревоженный.

http://tl.rulate.ru/book/24624/1287557